

Петр Павлович Ершов

Сибирский казак

Сибирский казак Старинная быль

Часть I

*Рано утром, весной
На редут крепостной
Раз поднялся пушкарь поседелый.
Брякнул сабли кольцом,
Дернул сивым усом
И раздул он фитиль догорелый.
Он у пушки стоит,
Он на крепость смотрит
Сквозь прозрачные волны тумана...
Вот мелькнул белый плат
У высоких палат
Удальца-молодца атамана.
И с веселым лицом,
Осняяся крестом,
Он над медною пушкой склонился.
Пламень брызнул струей,
Дым разлился волной —
И по крепости гул прокатился.
Вот к обедне звонят...
Казаки мигом в ряд —*

И пошли в божью церковь мо-
литься,

Да поклоном земным
Поклониться святым,
Да к честному кресту прило-
житься.

Но казак молодой
Не спешит за толпой,
Помолиться святым не радеет;
Он стоит, молчалив,
И ни мертв и ни жив —
Кровь в груди то кипит, то хладе-
ет.

Вот, одетый в стихарь,
Заклепал пономарь
На высокой звоннице к достойной.
И казак задрожал —
Жгучей искрой запал
Червь укора в душе беспокойной.
Он в храм божий спешит,
Но боится вступить
И стоит одинок у порогу;
Он смотрит на народ
И креста не кладет,
И не молится русскому богу.
Освещен божий храм!
И святой фимиам
Будто ризой народ одевает,

А казаки поют
Да поклоны кладут, —
Атаман с есаульством читает.
Служба кончилась. Вот —
Атаман наперед
И за ним молодцы есаулы —
Приложась к образам,
Казаки по домам
Разошлись, говоря про аулы.
А казак молодой
С непокойной душой
В церковь божью робко вступает;
К алтарю он идет,
Тихо старца зовет
И с слезами к ногам упадает.
"Мой отец, поспеши!
Тяжкий грех разреши!
Погибаю я, грешный душою".
— "Сколь бы грех ни велик, —
Говорит духовник, —
Не утай ничего предо мною".
И казак отвечал:
"Атаман приказал
Нам идти на кыргызов войною...
Мой отец, я женат!
И хоть нету ребят,
Да все жалко расстаться с же-
ною.

Я на бога роптал,
Я своих проклинал,
Я не шел с казаками молиться;
И, пришедши потом,
Не крестился крестом,
Не хотел к образам приложиться.

Мой отец, поспеши!
Тяжкий грех разреши!
Погибаю я, грешный душою".
— "Грех твой, чадо, велик! —
Говорит духовник. —
Омрачился ты тяжелой виною.
Но и бездну грехов
Бог очистит готов,
Прибеги лишь к нему с покаяньем.
Он — без меры любовь.
Уповай лишь, и вновь
Он оденет святым одеяньем.
Как Христов иерей
Я, по власти своей,
От грехов всех тебя разрешаю, —
И под знаменем креста
Супротивных Христа
Поражай: я тебя посылаю.
Мужем будь. Не жалей
Крови грешной своей
И за братии ты жертвуй собою.

Знай, убитых вконец
Ждет нетленный венец.
Поезжай, сын мой, мир над то-
бою!

И казак молодой
С облегченной душой
Божий храм, помолясь, оставля-
ет.

Он приходит к жене,
Говорит о войне

И печальну жену утешает:

"Не тоскуй, не крушись!

Лучше богу молись,

Чтоб от смерти меня он избавил

И чтоб нас, казаков,

Сохранил от оков

И великой победой прославил.

За степями, говорят,

Камней груды лежат

И песок при реках золотистый;

Бисеров — не бери,

Жемчугов — не вари.

А у жен дорогие монисты".

"Что мне в платьях цветных,

Что в камнях дорогих,

Когда нет тебя, мой ненагляд-
ный?

От разлучного дня

Не утешат меня
Ни серебро, ни жемчуг перека-
тый.

Кто-то мне говорит:
"Муж твой будет убит!"
Вот уж по три я слышу то ночи.
Видно, мне сиротать,
Век вдовой вековать,
Не видать твои светлые очи.
Не крутить черный ус,
Не лобзать алых уст,
Не прижать ко груди белоснеж-
ной.

Твой сынок подрастет,
Тятю кликать начнет,
Что мне делать тогда, безна-
дежной?"

И с сердечной тоской
Тут казак молодой
Молодую жену обнимает.
"Не тоскуй, — говорит, —
Я не буду убит:
Ведь не всякий в войне погибает.
И недель через пять
Ворочуся опять
Да с добычей к тебе боевою;
Я тебя обниму,
Крепко к сердцу прижму

И у сердца тебя успокою.
Коль паду на войне,
Ты не плачь обо мне,
Не суши свои ясные очи;
Ожидай ты меня
Не средь белого дня,
Но во тьме ожидай меня ночи.
У ворот я сойду,
Тихо в хату войду
И махну посинелой рукою;
Ты не бойся меня,
Но садись на коня,
Мы поедем, друг милый, с тобою".
Тут казак замолчал,
Три свечи засвечал,
И сбираться он начал на битву.
Он осек три кремня,
Изготовил коня
И сточил боевой меч как бритву.
На другой день зарей
Грянул гул вестовой —
Казачьи лошадей выводили.
Гул второй разнесло —
Казачьи на седло,
А за третьим — на площадь спе-
шили.
Шумно строятся в ряд,
Громко сабли гремят,

Развилось казацкое знамя;
Кони борзые бьют,
Пыль копытами вьют,
И в очах их свирепое пламя.
Вот раздался сигнал,
Пономарь заклепал,
И церковны врата отворились.
"Кивера все долой!" —
Закричал удалой
Есаул. Кивера опустились.
Тихо старцы пошли,
Образа понесли
И святую хоругвь в ополченье;
И за ними идет
Весь церковный причет,
Позади иерей в облаченье.
"Призовем бога сил!" —
Иерей возгласил,
И всемирную славу запели.
Он по ряду ходил,
Ополченье кропил
Освященной водою в купели.
"Род избранный, восстань!
Ополчайся на брань,
Покоряй супротивных под ногу!
Укрепит бог богов
Вас на ваших врагов;
Я вручаю вас господу богу".

И, окончив обряд,
Возвратился назад, —
И слезами глаза омрачились.
Тихо старцы пошли,
Образа унесли,
И церковны врата затворились.
Весь как пламя огня,
Атаман — на коня
И тяжелыми брякнул ножнами;
Вдруг, блестящ, как стекло,
Длинный меч наголо —
И летит молодцом пред отря-
дом!
Вот ряды обскакал:
"С богом, дети!" — вскричал.
Казаки на седле поднялися,
Засверкали мечи —
И орлом усачи,
Как на пир, на войну понеслися.

Часть 2

Дни со светом идут,
Ночи с мраком бегут,
Утро вечер прохладный сменяет;
В полдень солнце горит,
В полночь месяца глядит;
Часовой по редуту гуляет.
И в полуденный зной
Золотистой волной
Озерненные зыблются нивы;
И в раздолье степей
Стадо диких коней
Вьет по ветру косматые гривы.
И в небесной выси,
Будто рати Руси,
Громоносные движутся тучи;
И, подпора небес,
Не шелохнется лес,
Не играет в степи вихрь летучий.
И молчанье кругом.
Утомленным крылом
Царь пернатых на землю слетает;
И с стесненной душой
Пешийход молодой,
Ослабевши, шаги ускоряет.

Вот громады сошлись.
Молнии в тучах зажглись —
И ударил перун быстротечный.
Опаленный кругом,
С раздробленным челом,
Рухнул кедр, великан вековечный.
И, дохнувши огнем,
Прошумели дождем
И песчаную степь наводнили.
Светлый солнечный луч
Проглянул из-за туч —
И две радуги свод расцветили.
Океан рассыпной,
Будто конь молодой,
Сребровласую шею вздымает;
Гриву в космы плетет,
Чутким ухом прядет,
Длинный хвост в три трубы зави-
вает.
В надвоздушный предел
Царь-орел полетел
Осушиться в потоке огнистом,
И — предвестник весны —
С голубой вышины
Засверкал перерывчатым сви-
стом.
На кургане крутом
Под истлевшим крестом

Молодая казачка сидела,
И, склоняся главой
На тополь луговой,
Она грустно на степи глядела.
Из развитой косы
В беспорядке власы
На лилейную грудь упали,
И на бледных щеках,
Как роса на цветах,
Как жемчужины, слезы блиста-
ли.
Тихо все. Лишь у ног
Говорил ручеек
И прозрачной волной к ней лас-
кался;
И с журчаньем ручья
Тихий голос ея,
Будто ласточки щебет, сливался.